

ЗАСОДИМСКИЙ

ПОВЕСТЬ

О  
ХЛЕБЕ

A 298  

---

431







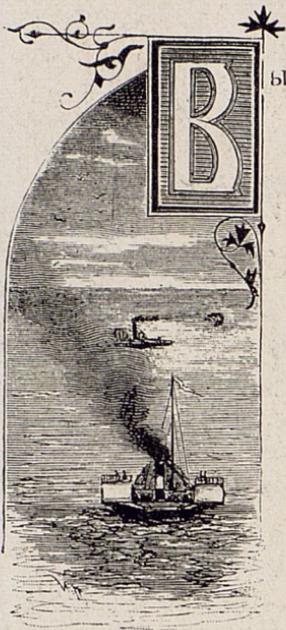
2007054298

# ПОВЕСТЬ ХЛѢБЪ



# Повѣсть о хлѣбѣ.

И. В. ЗАСОДИМСКАГО.

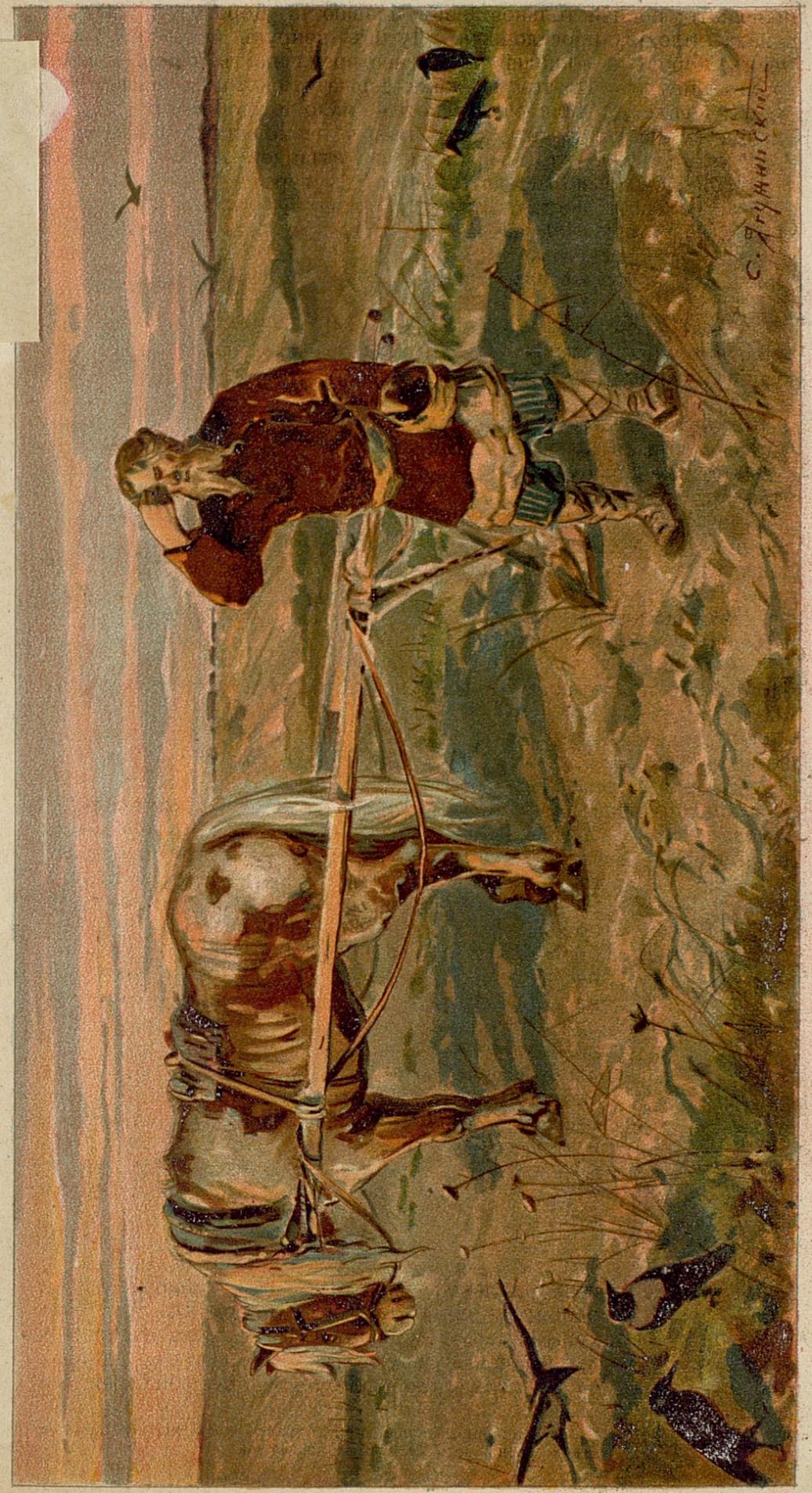


Всѣ, друзья мои, ѣдите хлѣбъ, но не всякій изъ васъ знаетъ его исторію, не всякій изъ васъ задумывался надъ тѣмъ, откуда и какъ взялся тотъ, напримѣръ, кусочекъ хлѣба, который сегодня лежалъ предъ вами на столѣ. Я знаю исторію одного кусочка и поэтому хочу вамъ рассказать ее... Почтенный чловѣкъ, по имени Маса, написалъ исторію кусочка хлѣба; но его исторія начинается съ того мгновенія, какъ кусочекъ попадаетъ въ ротъ, а о томъ, что было съ нимъ прежде, какимъ образомъ дошелъ этотъ кусочекъ до рта, — Маса не говоритъ. Я дополню его исторію и начну исторію кусочка хлѣба съ самаго отдаленнаго времени, — съ того времени, когда онъ не былъ еще кусочкомъ, а былъ просто горстью сырыхъ зеренъ.

Далеко, далеко отсюда, за рѣками, за долами, среди лѣсовъ и болотъ стоитъ убогая деревенька въ шесть дворовъ — въ шесть жалкихъ избъ. Крыши у избъ все соломенные, трубы все корзиночныя. Сами избы все старенькія, почернѣлыя, всѣ похожія одна на другую, какъ двѣ капли воды.



Въ одной изъ шести избъ, выступившей немного въ поле, жилъ недавно — вѣроятно, живетъ и теперь — дядя Пахомъ, работающій, трудолюбивый мужикъ, но очень бѣдный, какъ и всѣ вообще мужики осинскіе (та деревня называлась „Осинское“). Осинскія поля — глинисты... Лѣтомъ, во время засухи, земля дѣлается крѣпка, какъ камень, трескается, даетъ большія щелины. На такой землѣ ничего не можетъ расти, кромѣ куда негоднаго колючаго бурьяна... Городъ отъ Осинскаго — далеко, верстахъ въ 70. Рѣчонка Пудежка, протекающая за деревней, такая дрянная, маленькая, что въ ней лѣтомъ нельзя бабамъ даже и бѣлья



С. Языков

полоскать; по ней только щепки плавают. Дороги въ тѣхъ стонахъ плохія, проселочныя. Луговъ вокругъ Осинскаго мало. Овецъ, коровъ и лошадей въ лѣтнее время пасти негдѣ, а зимой кормить нечѣмъ. Поэтому мужики держатъ скотинки менѣе, чѣмъ бы слѣдовало. А если мало скота — мало и удобренія; безъ удобренія же на глинистой землѣ хлѣбъ не можетъ хорошо расти. Да и то небольшое, что вырастетъ на здѣшней глинистой землѣ, что можно бы было продать, везти въ городъ убыточно, когда городъ далеко и когда нѣтъ ни хорошихъ дорогъ, ни глубокой, судоходной рѣки. Тѣ же купцы, которые сами вѣзятъ осенью закупать по деревнямъ хлѣбъ, даютъ за хлѣбъ страшно дешево, и мужики поневолѣ, въ нуждѣ, продаютъ имъ свой хлѣбъ за полцѣны...

Такъ вотъ отчего бѣденъ Пахомъ, отчего бѣдны всѣ его однодеревцы! Злые же люди говорятъ, что будто бы осинскіе мужики бѣдны потому, что они пьютъ много водки, что они глупы и лѣнны. Это — ложь, друзья мои! Осинскіе мужики пьютъ водку только по праздникамъ: много пить имъ не на что. Они не глупы и не лѣнны, они только необразованны, невѣжественны. Необразованны они потому, что у нихъ нѣтъ школъ, нѣтъ учителей. А нѣтъ у нихъ учителей и школъ оттого, что имъ не подѣ силу заводить школу, нанимать учителей... Да и времени у нихъ нѣтъ для ученія: лѣтомъ работаютъ они въ полѣ, въ лугахъ; зимой они работаютъ въ лѣсу: рубятъ и возятъ дрова, мастерятъ что-нибудь по дому или ходятъ въ извозъ...

Большой грѣхъ дѣлаютъ злые люди, говоря такъ худо объ осинскихъ мужикахъ!

У Пахома была жена Василиса — женщина очень добрая, работающая, но почти постоянно больная отъ тяжелыхъ непосильныхъ трудовъ. Былъ у нихъ сынъ Василій, мальчикъ лѣтъ 12-ти, живой, понятливый, съ голубыми бойкими глазками, съ свѣтлыми льняными волосами.

Изба у Пахома была маленькая. Въ ней по зимамъ вмѣстѣ съ людьми жили подѣ лавкой куры, а у печки, въ подпольѣ зимовали телята и овцы. Медвѣдка — косматая, взѣрошенная дворняжка — въ зимніе морозы, вьюги и метели находила пріютъ въ сѣнахъ; во все же остальное время она жила на дворѣ и сторожила избу, огородъ и пустой амбарчикъ. Лѣтомъ въ избѣ дѣлалось пусто. Куры бродили по улицѣ, съ наслажденіемъ роясь въ пескѣ; телятъ и овецъ угоняли въ поле и лишь на ночь загоняли ихъ въ загородъ. Вася съ отцомъ ночевали на сѣновалѣ, а день пропадали въ полѣ или въ лѣсу... Только одна тетушка Василиса оставалась въ избѣ, обряжалась, поила скотину, хозяйничала въ огородѣ, рылась въ грядахъ, сажала, полола <sup>1)</sup>, поливала овощи. Впрочемъ, ей и въ полѣ было не мало работы. У Пахома же круглый годъ шла работа. Много нужно поработать для того, чтобы хлѣбъ выросъ, много также хлопотъ и съ его уборкой...

Весною, когда лишь только сошелъ снѣгъ съ полей, а по лугамъ еще стояли лужи и вода далеко разлилась изъ болота, Пахомъ однажды, рано поутру, запрягъ въ соху свою тощую, чалую лошадку и съ первымъ солнечнымъ лучомъ, блеснувшимъ изъ-за горизонта, отправился въ поле. Утро было такое прекрасное, свѣжее.

<sup>1)</sup> Т.-е. вырывала съ грядъ траву, чтобы она не брала изъ земля соковъ, которые нужны для овощей.





Облака такъ весело, по-весеннему, шли по свѣтлому небу. Съ неба — съ вышины — лилась, разливалась надъ землею звонкая, переливчатая пѣснь...

Самого же чудеснаго пѣвца видно не было. То пѣлъ жаворонокъ... Пахомъ всталъ у своего участка, поправилъ на лошади шлею<sup>1)</sup>, поправилъ соху и, перекрестившись, принялся за работу.

— Ну-ка, въ добрый часъ! Трогай! Трогай, Чалая! — промолвилъ Пахомъ.

Чалая тронулась и пошла.

До обѣда, то-есть до полудня, крестьянинъ пахаль бодро, посматривая весело вокругъ — на пашню; бодро ходила по загонамъ Чалая, помахивая хвостомъ. Сырая земля раздавалась подъ сохой, легко разваливалась по сторонамъ. Въ полдень солнце сильно припекало. Потъ градомъ катился съ загорѣлаго лица пахаря; грязною, мозолистою рукой Пахомъ то и знай утиралъ потъ, обильно выступавшій у него на лбу. Наконецъ, Вася принесъ отцу изъ дома обѣдъ: холодную овсянку съ лукомъ, ломоть хлѣба да кислаго квасу въ берестовомъ бурачкѣ. Тутъ же на землѣ, у самой полосы, усѣлся дядя Пахомъ, и, пока Чалая щипала прошлогоднюю, блеклую травку, онъ съѣлъ крупянку, хлѣбъ и запилъ свой нехитрый обѣдъ жидкимъ кваскомъ. Вася не возвращался уже въ деревню послѣ того, а остался съ отцомъ. Онъ ходилъ по вспаханному участку и палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ разбивалъ глыбы... Къ вечеру Чалая шагала неровно, и Пахомъ уже иногда пошатывался, словно пьяный. Земля точно стала покрѣпче, а острее сохи будто бы при-  
тупилось.

Поздній вечеръ. Солнце давно уже скрылось за темными болотами. Съ чистаго неба глядѣлъ на землю блѣдный мѣсяць. Вѣтерокъ посвѣжѣлъ. Дикія утки по лужамъ закрикали. Густая роса поднималась надъ лугами. Пахомъ, усталый, голодный, возвращался домой. Понура шла Чалая...

— Мама, мама! Ужинъ собирай! — кричалъ Вася впопыхахъ, подбѣгая къ своей избушкѣ.

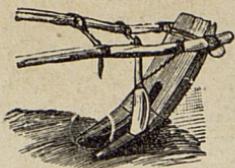
Недѣлю Пахомъ ѣздилъ съ сохой въ поле. Для того пахаль онъ, чтобы разрыхлить, размягчить землю. Не бросать же хлѣбныя зерна въ землю крѣпкую, какъ камень! Вѣдь хлѣбъ не вырастаетъ на камнѣ! Вотъ Пахомъ и пашеть, а Вася ходитъ за нимъ да глыбы разбиваетъ. Вася трудится по своимъ силамъ, трудится не меньше отца, не меньше матери, не меньше бѣдной Чалки...

Подъ конецъ пашни бѣда приключилась. Дѣло было ввечеру. Пахарь и лошадка поизмучились. Чалая ходила, порывисто подвигаясь впередъ. Пахомъ несильно приподымалъ соху. Подъ соху попался камень. Острый сошникъ наскочилъ на булыжникъ — тррахъ! Край выломало... Горе! На другой день, рано утромъ, Пахомъ повезъ соху къ кузнецу въ починку.

— Будь отецъ родной! помоги! — взмолился кузнецу нашъ Пахомъ. — Хоть пропадай совѣмъ... Согрѣшилъ, грѣшный...

— Некогда мнѣ теперъ! Пора-то, самъ знаешь, какая нынѣ! — отговаривался кузнецъ. — Пора нынѣ, другъ, золотая!

<sup>1)</sup> Шлея — часть упряжки, которая удерживаетъ хомутъ на мѣстѣ: широкій ремень, идущій во всю длину вокругъ лошади.



— Услужи, Лексѣичъ! Заставь за себя Бога молить! — упрасиваль Пахомъ несговорчиваго кузнеца. — Да развѣ долго тебѣ?

— А то какъ же! Наварить падо... Придется порядочный огонь развести въ кузнѣ! Въ часъ, пожалуй, не управишься... — разсуждалъ Алексѣичъ.

— Не постоимъ за деньгами... Только почини!.. Ишь наскочилъ на какой-то сѣрякъ, — приставаль Пахомъ. — Мужикъ весной безъ сохи, — все равно, что на войнѣ солдатъ безъ ружья.

Наконецъ, мужики сговорились. Кузнецъ за полтора рубля ассигнаціями взялся поправить сошникъ. Онъ развелъ въ кузницѣ огонь; Васю приставили раздувать огонь мѣхами... Вася краснѣетъ, пыхтятъ, раздуваются мѣхи. Огонь ярко горитъ. Искры сыплются... Кузнецъ тяжелымъ молотомъ стучитъ по наковальнѣ, по раскаленному докрасна желѣзу. Огненные брызги летятъ изъ-подъ молота и пропадаютъ въ темнотѣ. Наконецъ, сошникъ исправленъ. Дорого обошелся онъ Пахому: день потерянь, и полтора рубля изъ кармана вонъ... Случись эта оказія не въ рабочую пору, Алексѣичъ съ удовольствіемъ починилъ бы ему сошникъ за полтину.

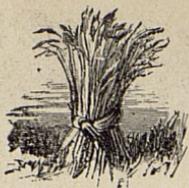
Съ горемъ пополамъ допахана первая пашня. Лѣто стоитъ надъ деревней. Горячее солнце жжетъ и палитъ землю... Теперь начинается тяжелая работа — вывозъ удобренія изъ хлѣвовъ въ поле. Удобреніе за зиму слежалось крѣпко-крѣпко пластами. Его приходится съ силой отдирать трезубцами. Это, кажется, самая тяжелая изъ всѣхъ крестьянскихъ работъ... Грудь у Пахома надрывается, въ вискахъ словно молоткомъ стучитъ, руки въ изнеможении опускаютъ вилы. Еще ладно, если гдѣ было соломы побольше положено, тамъ легче управляться. Но соломы Пахомъ стлалъ мало: солома шла скотинѣ въ кормъ. Солому для коровъ рубили „рѣзкой“ и перемѣшивали ее съ сѣномъ (мужики побогаче порѣзанную солому еще sprыскивали соленою водою: такой кормъ коровы очень любятъ). Вася на двухколесной маленькой телѣжкѣ — „одноколкѣ“ — возилъ на Чалкѣ удобреніе въ поле. Василиса сбрасывала съ одноколки удобреніе и сваливала его въ кучки шагахъ въ 10 одна отъ другой. Порожнемъ возвращаясь къ отцу, Вася, стоя въ одноколкѣ, пускалъ свою Чалую вскачь по рывишамъ и буеракамъ. Васѣ было тогда очень весело; но отецъ и мать, жалѣя лошадь, бранили Васю за скорую ѣзду.

Удобреніе необходимо для того, чтобы глинистая земля побольше уродила хлѣба да чтобы хлѣбъ лучше уродился. На неудобренной землѣ хлѣбъ дурно растетъ. Глинистая земля, какъ сказано, безъ удобренія крѣпка, жестка, какъ камень, но еще хуже камня. Если зерно попадетъ въ рыхлую сырую землю, если навалится на него камень, то не бѣда. Зернышко даетъ ростокъ, ростокъ будетъ живо подниматься, расти, обойдетъ камень и благополучно выйдетъ на Божій свѣтъ. Но упади зерно въ глину, засохни глина — бѣда. Зернышку — неминуемая смерть. Сухая глина зажметъ его, стиснетъ, задушитъ. Зернышко не дастъ ростка и погибнетъ. Чѣмъ больше удобренія, тѣмъ дѣлается легче, разсыпчатѣе глинистая земля. У Пахома мало удобренія, земля его участка плоховата.

Потомъ, немного погодя послѣ вывоза удобренія, Пахомъ вторично принимается за пашню. Онъ заваливаетъ удобреніе въ землю; Вася послѣ него боронитъ, забораниваетъ и расколачиваетъ палкой глыбы... Вотъ какого труда, какой печали стоитъ Пахому еще только приготовить землю подъ посѣвъ! А сколько еще заботы, неприятностей и тяжкихъ трудовъ впереди!







Подходить осень. Жаворонка давно уже не слышно. Дни становятся короче. Солнышко припекает не попрежнему, и рѣдко видно его. Пора приниматься Пахому третью и послѣднюю пашню пахать и сѣять хлѣбъ. Сѣмянъ нѣтъ. Купить ихъ не на что. Надо завять... Идетъ Пахомъ въ сосѣдную деревню къ богатому мужику, приходитъ, застаётъ его за чаемъ, кланяется, проситъ. Богатый мужикъ даетъ Пахому въ долгъ 4 мѣры ржи съ тѣмъ, чтобы черезъ годъ возвратить ему 6 мѣръ, вмѣсто четырехъ. Пахомъ торгуется, споритъ; богачъ не уступаетъ. Нечего дѣлать, не оставаться же безъ хлѣба. Соглашается Пахомъ. Неволья соглашается... Пошли, наконецъ, въ амбаръ хлѣбъ мѣрить.

— Вѣдь мы, Пахомъ, благодѣтели ваши! — говоритъ богатый. — Вѣдь, по правдѣ сказать, мы васъ изъ бѣды выручаемъ... Вы бы безъ насъ — что? Пропали, аки червь...

— Извѣстное дѣло, Гаврила Петровичъ! доля наша — горьгорькая, — отзывается Пахомъ уклончиво.

Пахомъ замѣтилъ, что „благодѣтель“ его обвѣсилъ маленько, фунтовъ на 10, на 20... Сказать же совѣстно, да и опасно. Гаврила Петровичъ осерчаетъ, пожалуй, да и вовсе не дастъ. Скрѣпя сердце, везетъ Пахомъ домой дорого доставшуюся рожь.

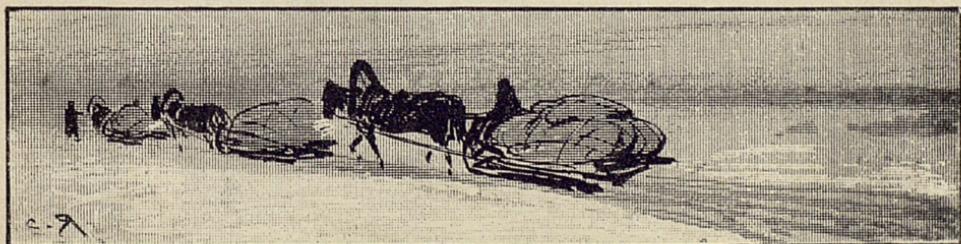
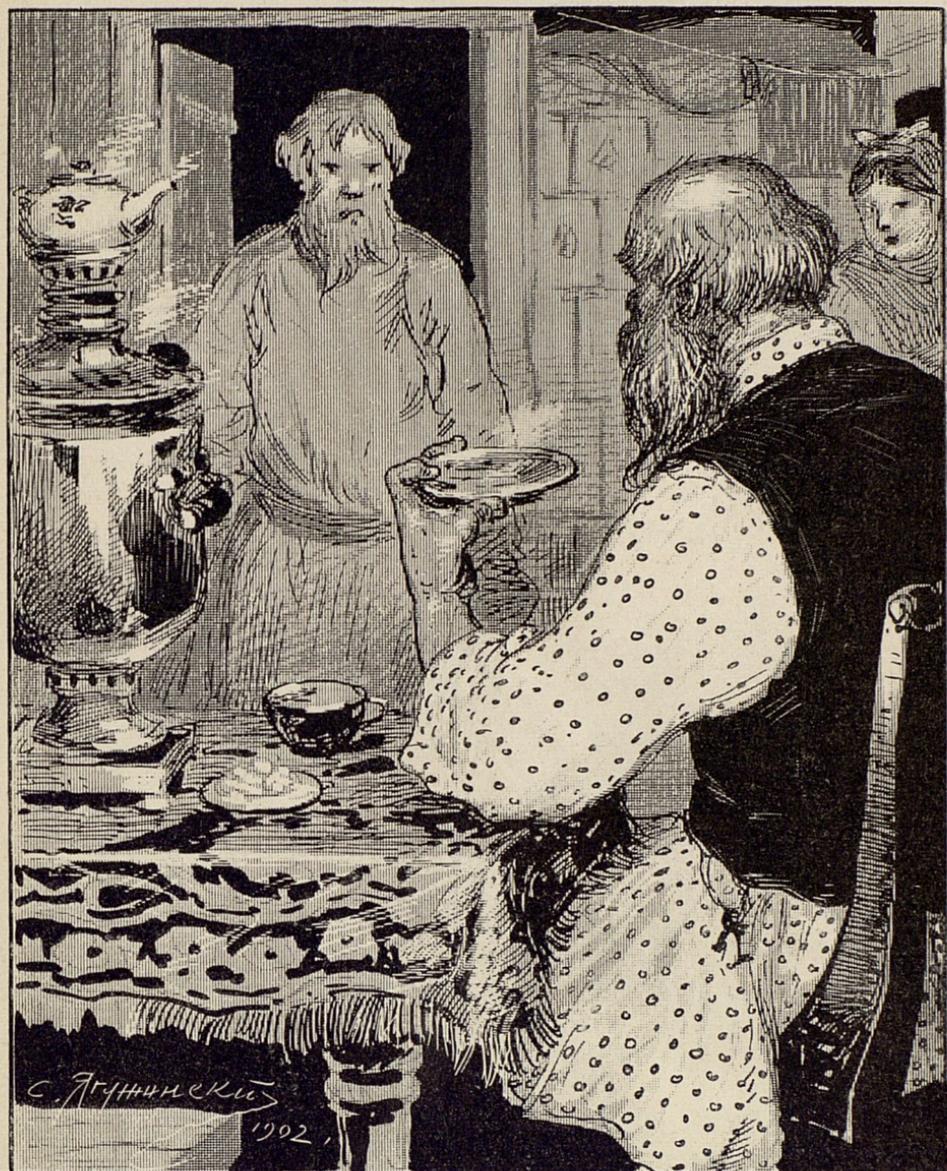
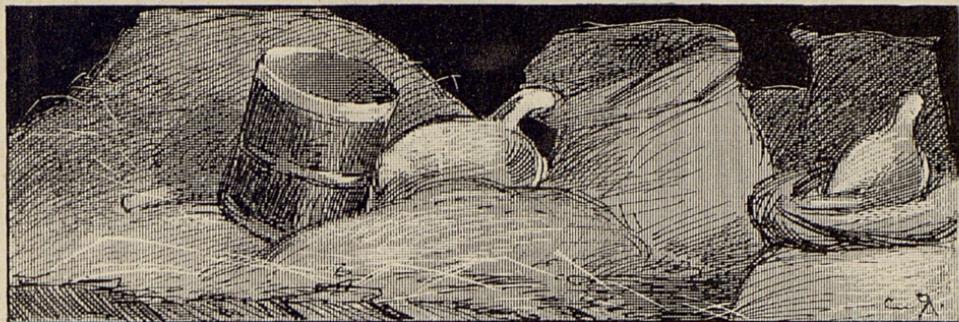
Вотъ пашетъ онъ послѣднюю пашню и сѣетъ. Онъ ходитъ по бороздамъ, полною горстью беретъ изъ лукошка хлѣбныя зерна и ловко разбрасываетъ ихъ по вспаханной землѣ. Вороны стаей летаютъ за Пахомомъ, клюютъ зерна. Вася спѣшитъ заборанивать зернышки отъ крылатыхъ хищниковъ. Бѣда однажды стрясласъ надъ Васей. Отецъ приказалъ ему перетащить мѣшокъ съ рожью съ одного мѣста на другое. Вася, изъ силъ выбиваясь, тащилъ къ отцу мѣшокъ за веревку, которою мѣшокъ былъ завязанъ. Но веревка была старая, иструхшая — оборвалась. Зерна желтымъ потокомъ полились на землю. Пахомъ сильно разгнѣвался... Схватилъ онъ Васю за волосы, пригнулъ къ землѣ и больно отколо-тилъ его. Вася горько плакалъ.

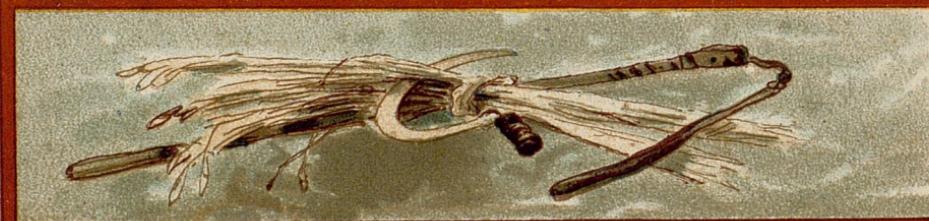
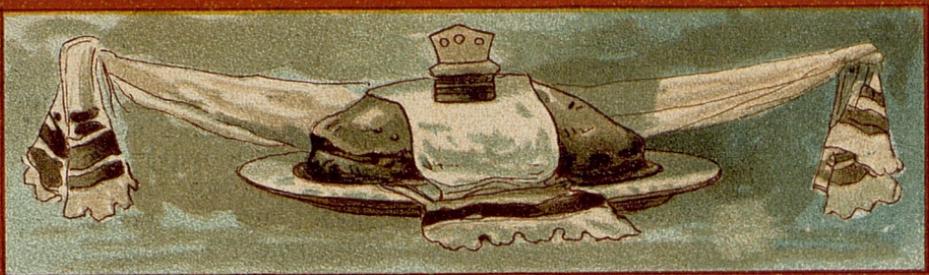
Послѣдняя пашня допахана. Хлѣбъ посѣянъ. Ночи становятся длиннѣй, темнѣй и холоднѣе. По утрамъ густой туманъ долго стелется по полямъ. Иногда съ утра до вечера и съ вечера до утра дождь мороситъ такой частый, мелкій, словно изъ сита. По ночамъ дуетъ холодный вѣтеръ. Голодные волки бродятъ по опустѣлымъ полямъ. Ихъ страшный вой раздается по ночамъ. Подъ туманами, подъ дождемъ и холодомъ растеть-живетъ въ землѣ сѣмечко, растеть неслышимо, невидимо, впотъмахъ. И вотъ, въ одно ненастное осеннее утро является ростокъ изъ земли — изъ мрака на свѣтъ. Ростокъ выходитъ красноватенькимъ, затѣмъ уже, поднимаясь выше, начинаетъ зеленѣть. Въ сумерки сидитъ Пахомъ у своей избы на завалинкѣ, глядитъ въ поле, думаетъ: „И озимъ зазеленѣла, слава Тебѣ, Господи!“ Пахомъ оборачиваетъ голову въ ту сторону, гдѣ за полями бѣлѣветъ ихъ сельская церковь, снимаетъ шапку, крестится...

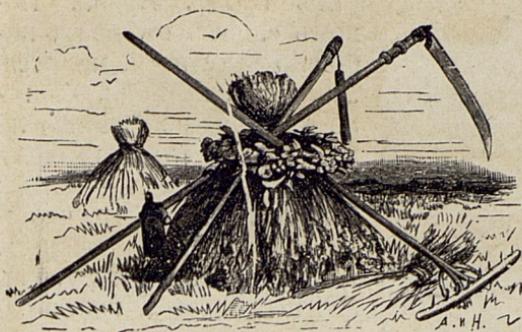
Сѣрая облака застилаютъ небо изъ края въ край. Снѣжокъ кружится въ холодномъ воздухѣ, кружится и падаетъ на мерзлую землю. Тихо въ лѣсу и поляхъ — зима. Бѣлымъ пушистымъ ковромъ покрывается окрестность. Зеленая озимъ скрывается до весны подъ снѣгомъ. Только кое-гдѣ еще темнѣютъ кустики, но ихъ скоро метели занесутъ совсѣмъ. Осинское скрылось за снѣжными сугробами. Пахомову избушку издали чуть видно, видно только одну ея черную, закоптѣлую, корзиночную трубу.

Иногда по вечерамъ, когда въ свѣтцѣ горитъ-трещитъ лучинушка березовая, Пахомъ, продрогшій въ лѣсу, лежитъ на печкѣ, грѣется, думушку думаетъ:









„Какъ-то хлѣбъ у насъ нынѣ уродится? Благопріятна ли будетъ весна? Не сильные ли будутъ послѣдніе заморозки послѣ того, какъ снѣгъ стаетъ? Не вымерзла бы озимь, Боже, избави! Или не слишкомъ ли вода въ поляхъ разольется? Какъ бы не затопила вода хлѣбныхъ полосъ! Не вымокла бы озимь! Охъ,

все бѣда! Пусть бы весна настала въ пору да во время! Пусть бы принесла она тепло! Не даромъ въ церквахъ молятся о „благораствореніи воздуха, объ изобиліи плодовъ земныхъ“... Пусть бы хлѣбъ росъ безъ помѣхи!..“

О томъ же иногда думаетъ и Пахомова жена, сидя днемъ за ткацкимъ станкомъ или прядя вечеромъ при лучинѣ чистой, волокнистый ленъ. Ленъ прядется, нитка тянется, Василисины думушки тянутся съ нею. Рѣдко обрывается сѣрая нитка, еще рѣже обрываются Василисины думушки. Но не объ одномъ хлѣбѣ думаетъ Пахомъ съ женой. Иногда они думаютъ о томъ: какъ бы поучить Васю грамотѣ—читать, писать, считать. Объ этомъ же не разѣ заводилъ рѣчь и Васинъ дядя, человѣкъ грамотный, жившій въ городѣ. Но Васѣ некогда и не на что учиться. Лѣтомъ работать надо—цѣтъ времени за книжкой сидѣть. Зимой время есть, да у Пахома кошелекъ очень легокъ. Подумаетъ, подумаетъ иногда Пахомъ, да и махнетъ рукой.

— Э-э! Богъ съ ней, съ наукой-то! Не до нея намъ! — скажетъ, бывало, Пахомъ и горько задумается.

Пахому нужно подати платить, вносить оброкъ, справлять разныя повинности.

Такъ проходитъ зима...

Весеннее солнышко согнало снѣгъ. Теплый вѣтеръ землю высушилъ. Озимь зазеленѣла, поднялась. Вотъ озимь идетъ въ трубочку, бурѣтъ, начинаетъ колоситься. Ну, слава Богу! Хлѣбъ не вымерзѣтъ, не вымокъ весной. И червь его не подточилъ... Однѣ заботы миновали, другія имъ на смѣну явились... Рожь цвѣтетъ, Пахомъ думаетъ: „Не поднялся бы вѣтеръ, не обилъ бы цвѣтъ!“

Цвѣтъ спадетъ — не будетъ въ колосѣ зеренъ, хлѣба не будетъ. Со страхомъ смотритъ иногда крестьянинъ на небо, на вершины деревьевъ. Не поднялась бы буря! Страшно! Съ боязнію смотритъ крестьянинъ на деревяннаго конька, стоящаго на стрѣхѣ. Не слишкомъ ли порывисто, быстро вертится конекъ на шестѣ?

Рожь желтѣетъ. А Пахому опять безпокойныя думы. Садится ли солнце въ облака, поднимается ли темная туча, — Пахомъ съ боязнію думаетъ:

„Эхъ, не побило бы градомъ хлѣбъ! Не положило бы его, не приклонило бы къ землѣ сильнымъ дождекомъ?“

Все страхи! Все опасенія!

Поднимается черная туча. Темнымъ, мрачнымъ покровомъ задергиваетъ она все небо. Сумеречно становится на землѣ. Поднимается вѣтеръ. Деревья гнутся, трещатъ. Птицы прячутся по гнѣздамъ. Скотъ скрывается, куда можетъ. Порывомъ вѣтра поднятые листья и пыль крутятся въ воздухѣ... Загорается молнія. Гре-





мить громъ. Буря... Пахомъ сидитъ въ избѣ, набожно крестится, молится. „Пронеси, Господи, благополучно мимо!“ Долго ли до бѣды! Побьетъ градомъ хлѣбъ, и Пахомъ — нищій; Пахомъ, для того чтобы съ голоду не умереть, долженъ итти по міру, долженъ просить „Христа ради“

ди... Нс буря миновала. Рожь уцѣлѣла, мѣстами лишь полегла.

Подходитъ время жатвы. Колосья волнуются, какъ желтое, золотистое море, шепчутся таинственно другъ съ другомъ, пригибаются къ землѣ подъ тяжестью полныхъ, сочныхъ зеренъ. Съ ранняго утра до поздняго вечера Василиса на полѣ съ серпомъ. Вася ходитъ по жатвѣ, собираетъ въ корзину оброненный колось... Храбро и бодро на первыхъ порахъ воюетъ Василиса съ колосистою рожью. Многочисленная, несмѣтная рать обступаютъ ее со всѣхъ сторонъ. Трудно, трудно Василисѣ положить эту рать! Вѣтерокъ проносится по полю, шумитъ колосьями. Колосья грозно шепчутъ Василисѣ: „Жни! Жни! Жни! Не скоро сожнешь ты насъ! Не скоро срѣжешь ты нашу сильную рать своимъ кривымъ полутупымъ серпишкомъ“. Колосья обступаютъ ее, тѣснятъ, словно смѣясь, нагибаются къ ней, бьютъ ее по рукамъ, по лицу — и въ сторону!.. Красное солнце заходитъ за сосновый лѣсъ. Василиса оглядывается вокругъ. Серпъ падаетъ у нея изъ рукъ. Ржи еще много, очень много. Долго жала бѣдная баба, до крови коля себѣ ноги о жесткую жнивую, обливаясь потомъ, стелла и охая отъ усталости. Въ горячій полдень однажды голова у нея закружилась, въ глазахъ потемнѣло и въ темнотѣ стали расходиться какіе-то красные, синіе, зеленые круги... Василиса почти безъ чувствъ повалилась наземь. Въ другой разъ она едва не отрѣзала себѣ серпомъ палець. Много вытекло крови на землю изъ глубокой раны. Уже вечеромъ, прійдя домой, приложила она къ ранѣ паутину и обвязала палець тряпичей... Сжата рожь! И опять — опасенія.

„А ну, какъ дожди зачастятъ! Рожь намокнетъ въ суслонахъ<sup>1)</sup>, простоятъ долго въ полѣ, прорастетъ — опять бѣда“.

Сложена рожь въ скирды.

Въ скирдахъ рожь сильно мыши поѣдаютъ. Надо ее поскорѣе молотить... Принимается Пахомъ съ женой да съ сыномъ молотить рожь. Еще до молоченья рожь должно высушить. Съ вечера, наканунѣ молоченья, рожь набрасаютъ въ овинъ, а въ подовинѣ зажгутъ нѣсколько сырыхъ пней. Эти пни также не легко было выкорчить<sup>2)</sup> Пахому. Цѣлую ночь рожь сохнетъ. Чѣмъ лучше она высохнетъ, тѣмъ лучше ее молотить, тѣмъ меньше зеренъ останется въ колосьяхъ, тѣмъ меньше утерается ихъ въ солому.

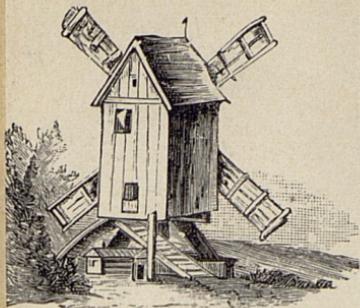
Поздній осенній вечеръ. Въ полѣ туманно, сыро, темно. Мороситъ мелкій дождь. Съ силой дуетъ вѣтеръ. Холодно... Вася съ отцомъ сидятъ въ подовинѣ, передъ теплиной. Дымъ ѣстъ глаза... Но ничего! Васѣ пріятно, весело. Онъ лежитъ на землѣ, грѣется, смотритъ въ огонь.

— Куда, тятя, огонь улетаеть? — спрашиваетъ Вася.

Пахомъ не знаетъ, „куда улетаеть огонь“.

<sup>1)</sup> Суслоны — снопы, т. е. связки срѣзанныхъ хлѣбовъ, составленные на жнивѣ для просушки.

<sup>2)</sup> Корчевать — выворачивать деревья съ корнями, копать и выдирать корни деревьевъ, очищать вырубленный лѣсъ подъ пашню.



— Подкати-ка лучше пенекъ-то! — ворчить онъ. — Ишь, онъ куда завалился...

Тутъ же иногда, въ подовинѣ, отецъ рассказываетъ Васѣ страшныя бывальщины, разныя деревенскія сказки. Вася дрожить, жметъ къ отцу: жутко ему, но хорошо, заманчиво... Такъ горитъ огонь въ подовинѣ часовъ до 3 или до 4 утра.

Утромъ начинается молоченье.

Голотьба — тяжелая работа. Изъ всей силы и долго надо бить ожъ молотиломъ — цѣпомъ. Затѣмъ нужно граблями солому нять, а остатки смести вѣникомъ. Останутся зерна, но эти зерна ще съ мякиной<sup>1)</sup>, съ соромъ. Куча вымолоченныхъ зеренъ, еще е очищенныхъ, называется „ворохомъ“. Ворохъ нужно проѣять, т. е. зерна брать на лопату и бросать ихъ такъ искусно, тобы пыль, земля и всякій соръ летѣли по вѣтру въ сторону, а зерна — какъ болѣе тяжелыя — падали у ногъ вѣятеля. Для вѣянья, какъ видно изъ этого, нужна большая ловкость, сноровка, такъ же какъ и для посѣва. Нуженъ также вѣтеръ — езь вѣтра вѣять ничего нельзя. Есть, правда, машинки — вѣялки, бующія и безъ вѣтра, но для Пахома машины не по деньгамъ. Между тѣмъ, хлѣбъ нужно проѣять хорошо. Чѣмъ чище хлѣбъ, тѣмъ онъ дороже стоитъ.

Наконецъ, Пахомъ свезъ рожъ въ свой маленькій амбаръ. Рожай былъ хорошій. Ржи было много. Отдалъ Пахомъ богатому ужику 6 мѣрокъ за тѣ 4 мѣры, которыя взялъ у него въ прошлый годъ на посѣвъ. Изъ остального хлѣба часть нужно оставить а новый посѣвъ, часть нужно приберечь на зиму, а затѣмъ — все въ продажу. Приходитъ срокъ подати уплачивать, оброкъ вносить. Лѣтъ у Пахома денегъ. Пахому нужны деньги.

Въ одно морозное октябрьское утро пріѣзжаетъ къ Пахому ость, въ синемъ длиннополомъ кафтанѣ, подпоясанномъ краснымъ ушакомъ, въ теплой мерлушечей шапкѣ. Это — покупатель, барышникъ. Онъ ѣздитъ по селамъ и деревнямъ и закупаетъ у бѣдныхъ мужиковъ хлѣбъ не для своей потребности, т. е. собственно не для себя, не для своей семьи, а для перепродажи городскимъ упцамъ съ выгодою для себя. Барышникъ ѣздитъ по деревнямъ ослѣ того, какъ рожъ вымолочена, и именно въ то тяжелое время, когда мужикамъ приходится уплачивать подати. Бѣдняки е любятъ барышниковъ, а обойтись безъ нихъ все-таки не огутъ. Барышникъ, какъ паукъ, каждую осень раскидываетъ адъ ними свою паутину и пьетъ ихъ кровь — ихъ трудъ... Пахомъ оргуется съ барышникомъ, проситъ 70 копеекъ за пудъ. Барышникъ даетъ 40 и слышать ничего не хочетъ...

— Ни-ни! Гроша больше не прибавлю! — говоритъ барышникъ, мотая головой. — Нынѣ годъ урожайный, хлѣба вездѣ много... хлѣбъ — дешевъ. Не знаютъ, куда сбывать его... Не дорожись, Пахомъ! Больше меня тебѣ никто не дастъ! Вотъ что! Вѣрь мнѣ, ругъ!..

Наконецъ, плуть-барышникъ даетъ 50 копеекъ и берется за тапку.

Пахому нужны деньги на уплату податей, на соль, на кафтанъ, на сапоги. Пахомъ бьетъ съ барышникомъ по рукамъ, знаетъ, соглашается. Барышникъ усмѣхается себѣ подъ носъ, радъ, то надулъ мужика, что заставилъ бѣднягу продать ему одежде своей трудъ.

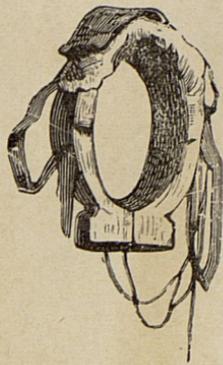
<sup>1)</sup> *Мякина* — хлѣбный колосъ, избитый цѣпомъ, когда зерна уже высыпались изъ него.



А. Рыбницкий 1902

— Давно бы такъ! — самодовольно говоритъ барышникъ, развязываетъ свой толстый кожаный мѣшокъ и отсчитываетъ Пахому деньги.

Барышникъ везетъ хлѣбъ на мельницу, къ куму Панкрату. Кумъ дождался вѣтра посильнѣе и поставилъ мельницу. Мельница стоитъ на пригоркѣ и мелетъ лихо. Она машетъ крыльями, шумитъ, трещитъ. Каменные жернова тяжело ворочаются, перетираютъ Пахомовы ржанья зерна въ муку. Посыпалась внизъ, въ большой деревянный чанъ, бѣлая мука. Заплатилъ барышникъ Панкрату по 2½ копейки за пудъ смолотой муки и повезъ продавать муку въ городъ. Хлѣба барышникъ накопилъ много; много ему надо и подводъ, чтобы довести хлѣбъ до города. Нанялъ онъ 8 подводъ — 8 лошадей съ возницами — и заплатилъ имъ 5 коп. съ пуда.



Бдуть дремучимъ лѣсомъ. Дорога грязная, избитая, вся въ рытвинахъ. Лошади вязнутъ въ грязи чуть не по колѣни; колесо по ступицу уходитъ въ колею, наполненную водой. Ночь. Дождь льетъ ручьями. Слякоть. Не видно ни зги... Вѣтеръ, какъ бѣшеный, гудитъ по лѣсу, свиститъ, шумитъ деревьями... Передняя лошадь идетъ довольно бодро впередъ. Вдругъ она шарахается въ сторону, валится на бокъ. Хозяинъ бросается къ ней, сбѣгаются остальные извозчики.

— Ну-у! Ну, что ты тутъ! Вставай! Ну, Богъ съ тобой! Подымайся! Чего ты тутъ растянулась, — кричитъ хозяинъ, и лѣсное эхо вторитъ ему.

— Да ну! Ну же! — приступаютъ къ упавшей лошади остальные извозчики и начинаютъ бить лошадь палками и кнутами.

Лошадь жалобно смотритъ на людей, но встать не можетъ. Она переломила ногу. Мужикъ съ лошадыю и возомъ остался въ лѣсу. Обозъ отправился далѣе. Изъ сосѣдней деревни послали мужиковъ и лошадь. Лошадь была куплена сообща... Больную лошадь убили и продали татарамъ.

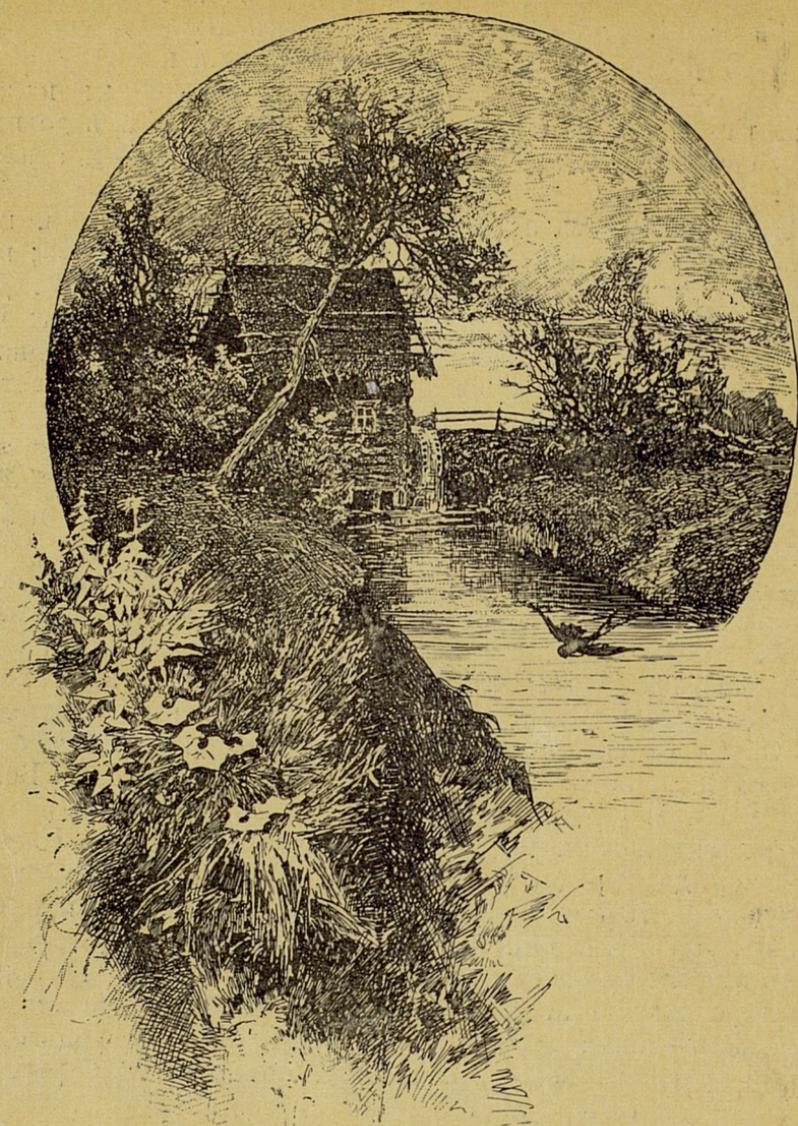
Дорогой три оси переломилось. Пришлось починять... Наконецъ, дотащились до города. Въ городѣ барышникъ продалъ ржаную муку купцу за 70 коп. пудъ. Барышникъ, слѣдовательно, получилъ на Пахомовой мукѣ барыша 12½ коп. на пудъ. Купецъ весною послалъ эту муку на баркахъ въ Петербургъ. Плывутъ барки по рѣкѣ, тихо плывутъ... Ихъ тащатъ бечевой идущіе по берегу бурлаки. Это — они „лямку тянутъ“. Бурлаки — все народъ бѣдный, блѣдный, худой, въ лохмотьяхъ. Тяжело тянуть имъ барку.

Но вотъ и Петербургъ.

Купецъ заплатилъ бурлакамъ (приблизительно по 10 коп. съ пуда) и продалъ муку въ складѣ за 1 рубль сер. пудъ. Слѣдовательно, онъ получилъ на Пахомовой мукѣ 20 коп. барыша (съ пуда). Изъ склада купили муку въ пекарню. Въ пекарнѣ напекли хлѣба и стали продавать по 1 руб. 20 коп. сер. за пудъ.

Вамъ, друзья мои, купили этотъ хлѣбъ и подали за обѣдомъ. Вы его кушали. Вы кушали Пахомовъ хлѣбъ... Теперь вы знаете, что стоитъ кусокъ хлѣба, сколькихъ стоитъ онъ заботъ, трудовъ, горя.













2007054298